

ББК 66.686

О.Н. Фотиева

**К проблеме определения понятия
этнополитического экстремизма***

O.N. Fotieva

**To the Problem of Definition the Concept
of Ethno-Political Extremism**

Исследуется проблема определения этнополитического экстремизма. Показана важность четких разграничений между близкими понятиями этнического, религиозного и политического экстремизма. Представлен обзор основных проблем в данной сфере и анализируются различные подходы к выделению существенных признаков этнополитического экстремизма, предлагается свой вариант его определения.

Ключевые слова: экстремизм, этнополитический экстремизм, национализм, легитимность.

The article investigates definition of concept of ethno-political extremism. The author shows an importance of accurate differentiations between close concepts of ethnic, religious and political extremism, gives the review of the basic problems in the this sphere and analyzes various approaches to allocation of essential signs of ethno-political extremism and offers his own variant for its definition.

Key words: extremism, ethno-political extremism, nationalism, legitimacy.

В настоящее время проблема этнополитического экстремизма вызывает растущую озабоченность как правительств многих стран, так и специалистов и населения. В особенности данная проблема важна для государств, расположенных на территории так называемого Большого Алтая. Как пишут авторы книги «Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты», «...важное значение в процессах региональной ноосферной интеграции на евразийском пространстве играет сегодня уникальный регион так называемого Большого Алтая. Алтай – сердце евроазиатского континента, его биосферный, геополитический и геокультурный узел, где сходятся границы четырех крупнейших государств (России, Китая, Казахстана и Монголии)» [1, с. 68]. Поэтому стабильность в данном регионе имеет особое значение. Здесь проживают нации, хотя и близкие по многим базовым ценностям, но, тем не менее, имеющие очевидные культурные, социальные, экономические различия. В условиях глобализации и растущего тесного взаимодействия это может вызывать противостояние и конфликты как между странами, так и между нациями внутри той или иной страны, открытое выражение неприязни с применением насилия или его угрозой к привержен-

цам других убеждений и выходцам из других стран. И, наконец, надо отметить в качестве еще одного конфликтного фактора оппозиционные выступления тех или иных социальных групп, недовольных текущей политикой своих правительств. Эти выступления также необходимо рассматривать в международном контексте, так как, начавшись в одной стране, они могут легко «перекинуться» на соседние территории.

При оценке экстремистских проявлений и выборе мер противодействия им следует разграничивать мотивацию групп, действия которых обычно классифицируются как экстремистские. Очевидно, что если экстремистские способы выражения своей позиции ни в каком случае не могут быть оправданы, то мотивы во многих случаях имеют под собой реальные основания. Соответственно, принимаемые меры, как превентивные, так и карательные, должны быть различными. Но для этого прежде всего следует задаться вопросом о сущности экстремизма вообще и этнополитического экстремизма в частности. Многие авторы подчеркивают размытость и неопределенность этих понятий, что и послужило поводом для написания данной статьи.

Приведем вначале два достаточно типичных определения. В.С. Мартыянов и Л.Г. Фишман счи-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по государственным контрактам №02.740.11.0360 «Социальные риски воспроизводства девиаций и социальная безопасность населения России: проблемы взаимообусловленности и трансформации в современных условиях кризисного состояния общества» (шифр «2009-1.1-303-074-014») и №16.740.11.0109 «Модели конструирования новой геронтологической реальности и адаптивные стратегии современных россиян: институциональный, социально-групповой и индивидуально-личностный уровни анализа» (шифр «2010-1.2.1-102-016-002»).

тают, что в самом общем приближении экстремизм «...это *политическая практика*, в основе которой лежат *радикальные идеи*, отрицающие идейно-институциональные основы данного общественно-политического устройства и призывающие к немедленному насильственному изменению легитимного конституционного строя» [2, с. 3]. В то же время В.Е. Петрищев определяет его следующим образом: «Экстремизм (от латинского *extremus* – крайний) – приверженность отдельных лиц, групп, организаций и т.п. к крайним взглядам, позициям и мерам в общественной деятельности. Экстремизм распространяется как на сферу общественного сознания, общественной психологии, морали, идеологии, так и на отношения между социальными группами (социальный экстремизм), этносами (этнический или национальный экстремизм), общественными объединениями, политическими партиями, государствами (политический экстремизм), конфессиями (религиозный экстремизм)» [3]. Как легко увидеть, первое определение однозначно связывает экстремизм с политической практикой, второе же трактование гораздо шире. Сразу скажем, что оно нам представляется более адекватным, хотя бы потому, что большинство авторов выделяют разные виды экстремизма: политический, религиозный, национальный, социальный, социоэкономический и другие, т.е. виды, которые могут не иметь выраженной политической окраски.

Если же взять более узкую сферу близких видов экстремизма (религиозный, этнический и этнополитический экстремизм), то можно заметить, что в определении понятий мнения разных авторов также различаются. Так, А.М. Верховский пишет: «Стоит отметить, что время от времени возникает стремление ввести в право понятие “религиозный экстремизм”. Под таковым, как, например, в законопроекте дагестанского парламента, может подразумеваться фактически тот же политический экстремизм... но религиозно мотивированный» [4, с.14]. На наш взгляд, речь здесь идет именно о *религиозно-политическом экстремизме*. А если основываться на данном выше определении В.Е. Петрищева, то *религиозным экстремизмом* следовало бы назвать насильственное внедрение определенной религиозной идеологии, но без политической окраски. Кроме того, указанные виды экстремизма часто отождествляются с понятиями национализма, а также фашизма. А.М. Верховский приводит следующие примеры [4, с. 14–15]:

- определение фашизма, данное РАН в 1995 г. в соответствии с указом Президента: «Фашизм – это идеология и практика, утверждающая превосходство и исключительность определенной нации или расы и направленная на разжигание национальной нетерпимости, обоснование дискриминации в отношении представителей иных народов, отрицание демократии... применение насилия и террора для

подавления политических противников и любых форм инакомыслия, оправдание войны как средства решения межгосударственных проблем»;

- определение экстремизма из законопроекта Мосгордумы 1995 г.: «Статья 1. К экстремистским общественным объединениям... относятся общественные объединения, которые совершают любое из следующих действий: 1) публично призывают к установлению в России диктатуры...; 2) публично призывают к насильственному свержению конституционного строя или захвату власти; 3) создают вооруженные формирования; 4) ведут пропаганду войны в какой бы то ни было форме; 5) публично выражают намерения ограничить права граждан Российской Федерации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; разжигают социальную, расовую, национальную, языковую или религиозную рознь; 6) представляют свои цели, идеалы или отличительные признаки с помощью символики, исторически присущей национал-социалистическому режиму Германии и фашистскому режиму Италии...». Из приведенных примеров видна практическая идентичность этих трактовок, хотя в первом дается определение фашизма, во втором, – экстремизма. Далее автор приводит целый ряд толкований экстремизма из других официальных источников, при этом можно заметить, что разные источники включают в определение более или менее подробный перечень противоправных действий, но при этом суть экстремизма не проясняется, а, наоборот, размывается (см.: [4]).

В то же время практически во всех определениях экстремизма присутствуют два основных аспекта: *идеологический* и *практический*. Обращаясь к этнополитическому экстремизму, надо сказать, что его идеологическую основу составляет *национализм*, который, в свою очередь, может иметь выраженный *религиозный фундамент*. Практический же аспект, как легко увидеть, состоит в ряде *конкретных действий неlegитимного характера*. Вопрос о легитимности также требует уточнения: «... аргументы в пользу того, что существующие государственные аппараты принуждения, законы, институты являются легальными, а то, что им противостоит, таковым не является, – весьма релятивны» [2, с. 4], и отдельный вопрос о легитимности как практическом аспекте экстремизма встает, если субъектом экстремизма становится само государство, осуществляющее геноцид против своего народа или же в международном плане. При этом данные действия государства могут быть вполне легитимными в рамках принятых этим же государством законов. Здесь легитимность действий государства может рассматриваться в рамках международного права, которое в качестве наднационального, основанного на правах человека, может признать действия государства неlegитимными.

Почему, на наш взгляд, экстремизм включает два обязательных аспекта: идеологический и практический? Если в данной практике отсутствует выраженный идеологический компонент, то ее надо рассматривать не как экстремизм, а как, например, обычное уголовное правонарушение. Если же отсутствуют практические действия и наличествует лишь система определенных убеждений, пусть даже и обнаруживаемых разными способами, то это, по мнению большинства авторов, не может быть предметом пресечения или цензуры, как подчеркивает, например, В.А. Лихачев: «Запрещать или карать организации за идеологию, на мой взгляд, нельзя. Можно и нужно карать только за конкретные призывы и деятельность» [4, с. 37]. Однако не все исследователи придерживаются данной позиции, например, упомянутые выше В.С. Мартынов и Л.Г. Фишман говорят о том, что экстремизм не может иметь идеологии как таковой, он является лишь набором практик, таких как геноцид, этноцид, терроризм, а идеи черпает в известных политических учениях [2, с. 4]. Но, как мы уже писали выше, если отрицать наличие идеологии экстремизма, то пропадает смысл самого этого термина, и оно сливается с понятием терроризма; кстати, последний может не иметь идеологии, но обязательно имеет мотив, как и любое преступление и вообще любое действие человека. Другое дело, что, действительно, нельзя говорить о какой-то *единой* идеологии экстремизма: во-первых, экстремисты могут основываться на разных учениях, а во-вторых, могут сочетать в своем мировоззрении черты разных социальных учений.

Далее надо подчеркнуть, что *практический аспект экстремизма совсем не обязательно имеет политический характер*. Скажем, чисто религиозный экстремизм может ставить целью, как уже было сказано, насильственное внедрение форм той или иной религии, а чисто этнический экстремизм может подразумевать «изгнание чужаков» из данной территории.

Теперь рассмотрим оба выделенных аспекта нашего определения, так как в их трактовке, в свою очередь, существуют разные подходы и свои проблемы.

Первая проблема, связанная с *идеологическим* аспектом любого вида экстремизма, заключается в следующем. Провозглашенная в большинстве европейских стран, США и России либерально-демократическая доктрина подразумевает наличие в стране демократии как единственно возможного политического режима, в чем виден логический парадокс: свобода мысли и гласность подразумевают возможность личности не принимать для себя сами демократические ценности и считать продуктивным установление другого режима правления, а также активно распространять свою точку зрения. И здесь встает закономерный вопрос: где находится граница между высказыванием своего мнения и конкретными призывами к установлению другого режима правле-

ния? Более того, можно ли в рамках демократического режима вообще ограничивать право людей призывать к смене этого режима другим? Здесь представляется верным подход М.А. Краснова: «Что касается возможности запрета призывов к установлению диктатуры или самодержавия, я считаю, что необходимо различать две ценности: с одной стороны, свобода и возможности защиты достоинства личности, с другой – форма правления. Если форма правления направлена на сохранение свободы и достоинства, ее нельзя приравнивать к экстремизму. Если же мы начнем охранять от критики определенные государственные модели, это приведет к размыванию грани между экстремизмом и инакомыслием... Так что само слово “диктатура” еще не является проявлением экстремизма. Важно, во имя чего к ней призывают» [4, с. 28]. Вторая идеологическая проблема, связанная непосредственно с этнополитическим экстремизмом, касается его возможной (и весьма частой) религиозной подоплеки: «...Ощущение и проповедь (пропаганда) исключительности по религиозному признаку есть неотъемлемое качество религиозной идентичности во многих самых распространенных религиях, включая православие» [4, с. 14]. Таким образом, надо показать, где проходит граница между сознанием религиозной исключительности (которое в той или иной форме присуще всем религиям) и экстремизмом, и выделить черты собственно экстремистской идеологии. Большинство авторов склоняются к тому, что характерными чертами экстремистской идеологии являются присущие ей категоричность, безапелляционность, агрессивность; предельно жесткое деление социума на «своих» и «чужих», «плохих» и «хороших» [3]. Очевидно, что такие крайние позиции не могут быть однозначно отождествлены ни с одной из религий как таковых. Данные черты в высшей степени проявляют себя в националистической идеологии этнополитического экстремизма.

Что же касается проблем, связанных с «практической» частью экстремизма, то здесь большинство авторов сходятся на необходимости исключить из употребления (и в первую очередь из законодательства) чрезмерно размытые признаки экстремизма, но при этом уточнить те или иные конкретные наказуемые формы противоправных действий: «Формулировка “разжигание”, равно как и “возбуждение” “вражды” или “ розни”, или чего бы то ни было, мне представляется вообще крайне неудачной. Статья должна быть сформулирована предельно четко: “оскорбление”, “клевета”, “призывы к...” (с конкретным уточнением, к чему именно призывы). Мне кажется, подобное уточнение формулировки само по себе решит сложный вопрос об “умысле”, который является проблемой в свете официального комментария к действующему УК. Неважно ведь, с каким “умыслом” человек призывает кого-либо бить или оскорбляет кого-либо?»

Если сложно доказать, что утверждение “все евреи – жулики и неполноценные” преследует целью “возбуждение розни”, то факт оскорбления здесь – налицо. Конечно, за это не стоит сажать. Но – штрафовать, штрафовать и еще раз штрафовать» [4, с. 36]. В.В. Прибыловский предлагает выделить в формулировке статьи «возбуждение национальной и религиозной вражды» четыре подраздела: «1. Негативные высказывания о нациях, этнических или религиозных группах, унижающие национальные, расовые и религиозные чувства. 2. Подстрекательство (вариант: прямые призывы) к насильственным действиям по расовым, национальным или религиозным признакам. 3. Насильственные действия по мотивам расовой, национальной или религиозной неприязни (с отягчающими наказание подпунктами: “а) действия, повлекшие тяжкие телесные повреждения или смерть потерпевшего...; б) совершенные лицом с использованием своего служебного положения...; в) совершенные организованной группой...”).

4. Дискриминация по мотивам национальной, расовой, религиозной неприязни со стороны должностного лица» (цит. по: [4, с. 45]).

Таким образом, суммируя все сказанное, можно дать следующее определение *этнополитического экстремизма*: это широкий спектр практик, в том числе политических, в основе которых лежит идеология национализма в той или иной ее форме. При этом основными *признаками*, по которым можно отнести данную форму идеологии к экстремистской, являются: безапелляционность, агрессивность; предельно жесткое деление социума на «своих» и «чужих», «плохих» и «хороших». Что же касается практики, то она может считаться экстремистской, если включает: а) нелегитимность и б) любые формы дискриминации социальных групп по любому признаку (этническому, социальному, религиозному и пр.). Разумеется, данное определение является базовым, и вопрос о сущности этнополитического экстремизма нуждается в более развернутом исследовании.

Библиографический список

1. Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. – Барнаул, 2007.
2. Мартянов В.С., Фишман Л.Г. Быть свободным или бороться с экстремизмом // Новый мир. – 2008. – №11.
3. Петрищев В.Е. Проблемы профилактики экстремистской и террористической деятельности // Материалы III

- Всероссийского социологического конгресса «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». 30 сентября – 2 октября 2003 г. – М., 2008.
4. Верховский А.М. Государство против радикального национализма. Что делать и чего не делать? – М., 2002.